

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-057-063

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ-РЕНЕГАТА В СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЕ В 1922–1923 гг.

Дорош Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник
АНО «Рубежи истории»
Российская Федерация, 394088, г. Воронеж, ул. Владимира Невского, 13в, кв. 15
E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Статья посвящена антирелигиозной деятельности в СССР 1922–1923 гг. Рассматриваются проблема, использования в антирелигиозной пропаганде образа священнослужителя-рenegата, который, в свою очередь, являлся основным во всей антирелигиозной пропаганде исследуемого периода. Не последнюю роль в антирелигиозной пропаганде играла советская газета «Безбожник», которая являлась не только одним из многочисленных периодических изданий в 20-е гг. XX в., прямо или косвенно касающихся позиции советского правительства в отношении религии, но и была ведущим печатным органом, специализирующимся именно на агрессивной пропаганде безбожия. Помимо этого данная газета являлась консолидирующей и организующей площадкой для безбожников СССР и в дальнейшем выступила организующей силой при создании «Союза воинствующих безбожников» – организации, ставящей своей целью полное искоренение религии. Исследуются отдельные случаи отречения православных священнослужителей от церкви. Анализируется методика пропаганды атеизма газетой «Безбожник». Подробно рассматривается пропагандистский образ священника-рenegата, созданный антирелигиозной пропагандой. Изучается история антирелигиозной политики Советского государства. При написании статьи автором использовался историко-системный метод познания и принцип историзма.

Ключевые слова: антирелигиозная деятельность, антирелигиозная пропаганда, безбожники, газета «Безбожник», СССР, Православная церковь, советская власть, религия, священники, духовенство, священники-рenegаты.

Цитирование. Дорош, А. А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. / А. А. Дорош // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 3 (68). – С. 57–63. – DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-057-063.

THE IMAGE OF AN ORTHODOX PRIEST-RENEGATE IN THE SOVIET ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN 1922-1923.

Dorosh Andrey A., Candidate of Historical Sciences, research fellow
ANO "Frontiers of History"
apt. 15, 13v Vladimira Nevskogo Str., Voronezh, 394088, Russian Federation
E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

The article is devoted to anti-religious activities in the USSR in 1922–1923. The article deals with the problem of using the image of a renegade clergyman in anti-religious propaganda, which, in turn, was the main one in the entire anti-religious propaganda of the period under study. Not the least role in anti-religious propaganda was played by the Soviet newspaper *Bezbozhnik*, which was not only one of the many periodicals in the 1920s that directly or indirectly related to the Soviet government stance on religion, but was the leading newspaper specializing in aggressive propaganda of godlessness. In addition, this newspaper was a consolidating and organizing platform for the atheists of the USSR, and in the future, acted as an organizing force in the creation of the "Union of Militant Atheists" – organization that aims to completely eradicate religion. Some cases of the denial of Orthodox clergymen from the church are investigated. The article analyzes the methods of propaganda of atheism by the "Atheist" newspaper. The propaganda image of a renegade priest created by anti-religious propaganda is examined in detail. The history of the anti-religious policy of the Soviet state is being studied. When writing the article, the author used the historical-systemic approach and the principle of historicism.

Keywords: anti-religious activity, anti-religious propaganda, atheists, the Atheists newspaper, the USSR, the Orthodox Church, Soviet power, religion, priests, clergy, renegade priests.

Citation. Dorosh, A. A. The image of an orthodox priest-renegade in the soviet anti-religious propaganda in 1922–1923. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 3 (68), pp. 57–63. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-057-063.

Введение

Одним из наиболее неоднозначных периодов в отечественной истории является период первых десятилетий с момента установления советской власти в России и дальнейшего создания нового государственного образования – СССР. В свою очередь, одним из актуальных и противоречивых направлений в изучении данного периода является проблема антирелигиозной деятельности

и воинствующего безбожия, которое являлось одной из основных, фундаментальных основ большевистской идеологии СССР. Без досконального исследования советской антирелигиозной деятельности невозможно объективно оценивать историю Советского государства.

В советской антирелигиозной пропаганде 1920-х гг. активно использовался образ священнослужителя-рenegата. Отметим, что использование подобного образа в пропагандистских целях всегда было оправдано, так как если сами священнослужители, призыванием которых являлось служение религии и её распространение среди народа как высшей, непоколебимой истины, отрекались от неё и переходили в лагерь атеистов, то в глазах большинства населения, на которых и была рассчитана данная пропаганда, данные поступки являлись подтверждением того, что Бога нет и их религиозные убеждения были ложными.

Конечно же, любой пропаганде свойственно использовать как реальные факты, так и вымысел, но всё же отметим, что история Православной церкви в России в годы воинствующего атеизма имеет не только героические страницы с житиями тысячи мучеников за веру, но и многочисленные случаи позорных отречений от сана своих служителей.

Мы считаем целесообразным рассмотреть более подробно подобные случаи, основываясь на публикациях в советской газете «Безбожник», которая активно использовала факты отречения от церкви духовенства и активных верующих в деле антирелигиозной пропаганды. Отдельно подчеркнём, что именно газета «Безбожник» являлась на тот момент основным рупором воинствующего атеизма и своего рода информационно-организационной площадкой для воинствующих безбожников СССР, и несколько позже, именно на базе данного периодического издания, и возникнет советская всесоюзная общественная организация «Союз воинствующих безбожников».

Основная часть

Случаям отречения от веры православного духовенства редакция советской антирелигиозной газеты «Безбожник» уделяла особое значение. Об этом может свидетельствовать тот факт, что данные сообщения не только публиковались фактически в каждом номере газеты, но и зачастую размещались на первой странице номера: «Ушёл из церкви, решив заняться честным трудом, священник Тихановский» [1, с. 1]. «В селе Линовичи, Пирятинского уезда поп в церкви отрекся от религии, вызвал парикмахера и расстригся» [6, с. 7].

В других случаях отречение того или иного священнослужителя описывалось более подробно. Например в одном из номеров газеты сообщалось, что священник села Котлик Карачалевской волости Челябинской губернии отказался от ведения богослужебных обрядов и занялся сельским хозяйством. Общественный дом, занимаемый им, он освободил для сельского совета, перейдя на частную квартиру [14, с. 7]. Или, например, описывается факт отречения священника села Печеры Подольской губернии, который подал в уисполком заявление о «снятии с себя сана». При этом автор статьи упоминает, что в уисполком за неделю поступило ещё два таких же заявления от других священников, и подчёркивает, что в Горийском уезде, в результате антирелигиозной пропаганды, 15 священников «сняли сан» [9, с. 6], стараясь таким образом показать, что отречение православного духовенства от сана носит массовый характер и не является исключительным, одиночным явлением.

Иногда уход духовенства из лона Православной церкви был публичен и сопровождался официальными заявлениями духовенства о причинах ухода, в отдельных случаях, осуществлялся во время религиозных торжеств. Так, в одной из статей описывается случай публичного отречения, где при освящении церкви в селе Шалилове Стерлитамакского уезда священник Шленский всенародно сложил духовный сан, заявив при этом, что религия – орудие буржуазии и капиталистического общества, направленное на эксплуатацию и угнетение трудящихся [20, с. 7].

Причину массового ухода духовенства из церкви советские пропагандисты видели в том, что священники либо убедились в церковной лжи, либо снимают с себя сан, потому что видят естественный конец своего владычества [20, с. 7].

Иным примером публичных заявлений можно считать описываемый факт, что дьякон Яконовского прихода Кузнецовский волости Тверской губернии прислал в волисполком заявление, в котором разъяснял причину своего отречения от церкви и веры в Бога. Он объяснял свой поступок тем, что, учитывая устои советской власти, не желает быть с духовенством, играющим роль контрреволюционеров, отягощать и без того тяжёлое положение трудящихся. Также дьякон просил принять к сведению представителей советской власти, что он в должности дьякона с февраля месяца не состоит и на основании этого просит зачислить его в число равноправных граждан Советской республики в качестве трудовика-землероба [20, с. 7].

Аналогичная ситуация имела место в селе Корсакове Новосильевского уезда, где дьякон Капитон Кирюхин снял с себя рясу, объяснив это тем, что ему надоело обманывать православных граждан и «шататься по дворам, обивая пороги и собирая ситники» [21, с. 7].

Советские пропагандисты не скрывали своей радости, что «с каждым днём, с каждым часом, рдеют ряды проповедников “слова Божия”, расчищая своим овцам путь к свету и знанию» [21, с. 7].

В одном из номеров газеты «Безбожник» описывается ситуация, когда на религиозном диспуте, устроенном комсомольцами села Капыстина Бахмитовецкой волости Проскуровского уезда, поп, припёртый к стене убедительными доводами юных безбожников, заявил: «Видите ли, товарищи, профессия моя такая ... один плотник, другой кузнец, третий хлебороб, а я... поп» [15, с. 6].

И решив бросить свою «профессию», он дал такую расписку: «Я, священник села Капустина, Владимир Антонович Доброшинский даю настоящую расписку в том, что в течение трёх дней обязываюсь сбросить с себя поповскую рясу и прекращаю впредь оставаться попом» [15, с. 6].

В этой же статье сообщается, что в селе Красноярске Первомайского уезда дьякон, прослуживший 20 лет, заявил, что церковь своими действиями и обрядностями обманывает и дурманит народ. И он решил стать на путь трезвой жизни и искупить свою вину перед народом [15, с. 6].

Стоит обратить внимание и на статью, начинающуюся словами, которые наглядно характеризуют отношение советских пропагандистов к духовенству: «Как крысы с тонущего корабля бегут попы от “святой” церкви» [18, с. 6].

В данной статье сообщается, что в селе Забродья Чермяхинского района Житомирской губернии проживает священник Берихович, который, по мнению авторов, целых 20 лет дуранил свою паству. На 60-м году жизни решил бросить свое «ремесло», изъявив желание быть заведующим хатой-читальней:

– «Вместо религиозных побасенок, хочу населению газеты читать», – заявил «отец».

– «Опомнился поп на старости лет», – посмеиваются крестьяне [18, с. 6].

Также в качестве примера можно привести и сообщения о том, что священник посёлка Пешковского Кустанайского уезда подал письменное заявление о снятии с себя сана. В своём заявлении «поп цинично говорит, что религия для него являлась лишь источником существования, а теперь от религии кормиться ему стало плохо» [13, с. 1]. Аналогичное сведение касается священника селения Исачик, который, со слов авторов газетной статьи, в Даралагязский исполком прислал письмо. В нём он признается, что церковь извечно служила орудием имущих классов для угнетения трудящихся, что сейчас он отказывается от церкви, а будет заниматься земледелием [13, с. 1].

Обратим внимание на уничтожительное, неоднократно присутствующее сравнение духовенства с крысами, а церковь – с тонущим кораблем. Также немаловажно и то, что советские безбожники не столько радуются отречению от религии духовенства, сколько злорадствуют по этому поводу. Впрочем, данный насмешливый, уничтожительный стиль является своего рода характерным приёмом построения антирелигиозной пропаганды советских безбожников, направленной на высмеивание идеологического противника, т. к. смешной противник не воспринимается всерьёз, как и его доводы. По всей видимости, с этим пропагандистским приёмом редакция газеты «Безбожник» была хорошо знакома.

Гораздо более подробно освещались случаи, когда священнослужители писали покаянные письма, адресованные представителям советской власти, верующим или православному духовенству. Приведём несколько примеров.

Так, «Калужская «Коммуна» печатает письмо – «отречённую» иеромонаха Добро-Покровского монастыря, Филатова. В своём письме иеромонах называет церковь «ядом, одурившим его с детства» [4, с. 7].

С его слов, он с первых дней революции стал «отрезвляться» [4, с. 7].

Теперь свое спасение иеромонах видит не в «царствии небесном», а в «собственном труде» [4, с. 7].

«Отныне я не иеромонах, – заявляет гражданин Филатов, – хочу заняться честным трудом и советую всем: от церкви бежать подальше» [4, с. 7].

«Когда корабль тонет, первые бегут с него крысы...», – подводит итог автор статьи [4, с. 7].

Диакон м. Черняхова, Волынской губернии, Николай Бычинский подал в волисполкоме заявление, в котором пишет, что брошенный своим материальным положением в служители церкви, он сознательно до сих пор верил в необходимость существования религии, почему и занимал должность диакона в церкви. В настоящее время он пришёл к заключению, что церковь и её служители «способствуют закабалению несознательных масс во власть темноты и суеверия» [9, с. 6], почему он решил от исполнения обязанностей диакона и религиозных обрядов отказаться. В письме он просит волисполком с настоящего времени не считать его церковнослужителем, а гражданином республики наравне с другими гражданами [9, с. 6].

Любопытно комментируют данный случай сотрудники газеты «Безбожник»: «Дурман религии, как видно, начал исчезать в головах не только рядовых верующих. С гибнущего, со всех сторон охваченного пламенем знания церковного корабля, в первую очередь бегут церковные крысы» [9, с. 6].

В иных номерах газеты «Безбожник» описываются аналогичные случаи. Так, от священника Дмитриевской церкви гражданина Триль в Харьковский губисполком поступило заявление, в котором он, обращаясь к Харьковскому губисполкому, просил не считать его в числе священников Православной церкви и выдать ему и его супруге гражданский паспорт. Харьковское епархиальное управление пошло навстречу бывшему священнику, и по заявлению гражданина Триль постановило снять с него священнический сан и исключить из духовного звания [5, с. 6].

Священник села Красногиргорьевки Криворогского округа, С. Никольский отрекся от сана. Свой поступок объяснил тем, что после долгих и мучительных размышлений он пришёл к выводу, что всякая религиозная вера является не только бесполезной для трудящихся, но и очень вредной, так как она затемняет умы и парализует творческую волю трудящихся масс. Он утверждал, что понял, что всякий служитель религиозного культа есть «тёмный бездельник, эксплуататор народного невежества, враг, а не друг народа» [7, с. 6].

Отметим, что в антирелигиозной пропаганде использовались образы и примеры не только отрекшегося от религии духовенства, но и церковных работников, не имевших священнического сана, и даже колдунов и народных целителей, как лиц так или иначе связанных с религией и мистикой.

Так, описывается случай имевший место быть в Ляпинском районе Каргатского уезда, где проживал некий колдун по имени Лузия, который под влиянием своего племянника-коммуниста, решил открыто и во всеуслышание покаяться и сообщить всем окружающим, что все его колдовство является выдумкой. С этой целью в местной газете он опубликовал заявление, в котором сознался, что все его таинственные и чародейственные дела – глупый обман. С его слов, он уверился, что при советской власти «песенка колдунов и попов спета» [10, с. 2].

В другом номере описывается случай, как к представителям местной власти явился старик крестьянин, являвшийся сторожем церкви села Глазуновки, Мценского уезда, и заявил, что, видя подлость духовных отцов, он понял, что советская власть для него родная, крестьянская власть и что ему, как крестьянину, не следует «держаться руку попов» [12, с. 7].

По утверждению советских пропагандистов, он рассказал, как местный «отец духовный» скрыл от изъятия, осуществляемого советской властью, две серебряных больших тарелки, две малых, звездицу, крест и кадило. По утверждению церковного сторожа, всё это имущество священник намеревался продать на рынке и тем поправить своё материальное положение. Впоследствии, данные вещи были найдены в указанном сторожем месте, а священник привлёкся к суду [12, с. 7] за сокрытие данных предметов.

Иным примером может послужить приведённый в одном из номеров газеты «Безбожник» поступок дьячка Крутилова, имевший место в Зелёной слободе Луковской волости Рогачевского уезда, который отрекся от веры в Бога и церкви, сложил с себя полномочия дьячка и занялся земледелием. Свой поступок он прокомментировал тем, что его доходы с каждым днём всё уменьшаются и именно поэтому он решил уйти из причта церковного [8, с. 6].

Зачастую в советской антирелигиозной пропаганде стремились показать беспринципность церковнослужителей. Приведём несколько примеров.

Так, в селе Павловском Алтайской губернии на первый день Рождества, по окончании церковной службы, церковный хор пошёл по домам «христославить». В ходе данного обхода они попали в дом к одному гражданину, который предложил спеть вместо тропаря Рождеству Христову «Интернационал». Поколебавшись, церковный хор исполнил данное произведение вместо положенного церковного пения [4, с. 6].

Другим примером может послужить статья «Приспосабливаются» [17, с. 5], написанная ярославским корреспондентом газеты «Безбожник». В статье описывается, как 22 июля рабочий Ярославля торжественно праздновал пятилетие ликвидации белогвардейского мятежа. В данном праздновании принимали участие буквально все рабочие и даже рядовые обыватели города.

С возмущением корреспондент описывает, что «к всенародному торжеству примкнули и ... попы» [17, с. 5], которые, казалось бы, совсем никакого отношения к данному событию не имели.

Так, православное духовенство волжской части города, ежегодно в честь Ильи-громовежца проводили крестный ход 4 августа, но в этот раз они перенесли его на 22 июля, и объявили, по своим приходам что отныне «в честь богоданного спасения града Ярославля от нашествия белогвардейцев и благополучного окончания мятежа крестное хождение ежегодно будет справляться в этот день» [17, с. 5].

Со слов корреспондента, данные действия православного духовенства были подвергнуты осуждению рабочих, которые помнили, как монахи Спасовского монастыря принимали активное участие в данном мятеже на стороне восставших и стреляли в красноармейцев.

Корреспондент отмечает, что в результате, за крестным ходом народу было далеко меньше обычного, а в клубах и народных домах вечером в этот день, при переполненных залах, участники

ликвидации мятежа делились с рабочими своими воспоминаниями, в которых «недобрым словом поминали всяких попов, бывших прямыми пособниками палачей рабочих» [17, с. 5].

Другой приводимый пропагандистами случай церковного ренегатства описывает письмо одного православного священника, поступившее во владимирскую редакцию газеты «Призыв», в котором священник признаёт, что проводимые в императорской России торжества вскрытия мощей вовсе не являлись религиозными торжествами, т. к. в них очень ясно прослеживается политическая основа и денежный расчёт для лиц светских и духовных, оказавшимися участниками этих торжеств. По его мнению, религиозное чувство простого верующего народа в этих случаях сильно эксплуатировалось властью имущими. Данный священник считает, что вскрытие гробниц с мощами советской властью нанесло сильнейший удар по основе доверия к установившемуся церковному строю. Он не отрицает, что в ходе компании по вскрытию мощей было обнаружено много подделок в виде кукол, сшитых из материи, подложенных и смешанных частей тел неизвестных умерших лиц и т. д. Написавший письмо священник считает, что в ходе данной компании обнаружился величайший обман, и сам факт эксплуатации культа мощей подтвердился, что привело к определённому бесполокосту церковного сообщества [23, с. 6].

Данному письму со стороны редакции газеты «Безбожник» уделено особое внимание: «Письмо – это любопытно, так как оно идёт из среды самих же церковников. Сами церковники под натиском верующих, кое-где требуют от ВЦУ (Высшее церковное управление – прим. А. Д.) чистки вплоть устаревших и «не отвечающих современному моменту» догматов и канонов. Камни, и те, можно сказать завопили!» [23, с. 6].

В данном контексте, заслуживает нашего внимания статья: «Священник за закрытие церквей» [22, с. 6]. Суть описываемого в статье события сводится к тому, что г. Подольске Московской губернии, в здании бывшей тюремной церкви был устроен клуб для заключённых. Местный протоиерей Карпов по поводу данного события также написал письмо, в котором утверждал, что преобразование тюремной церкви в просветительский клуб для заключённых является чрезвычайно важным, необходимым и правильным шагом, т. к., по его мнению, раньше в церковь гоняли арестантов насильно, а теперь же с открытием клуба при исправительном доме, куда, нужно полагать с охотой, будут ходить заключённые, есть большая надежда на исправление многих из них. Священник утверждает, что слушание лекций, чтение книг, журналов, устройство спектаклей и прочее – всё это неоспоримо возвышает, развивает и воспитывает человека в большей степени, чем участие в Богослужении. «Исходя из этого, – заключает протоиерей, – я приветствую большевиков. Умно, где нужно, переменили они божественную литургию на коммунистическую» [22, с. 6].

Вместе с тем, автор статьи акцентирует внимание читателей на том факте, что данный протоиерей пришёл к такому умозаключению не по причине того, что заботится об исправлении заключённых, а ввиду попытки приспособленчества к власти большевиков.

«И чувствуя свою обречённость на слом, приспособляясь к новым настроениям трудового крестьянства, протоиереи теряют свои позиции. Главное для них – это деньги. И чтоб только отстоять свою паразитарную жизнь, – они, если бы пригласили, если бы им за это заплатили, – в своих храмах готовы петь вовсе не “божественные”, а какие угодно литургии.

Распад церкви тем сильнее, чем быстрее просвещение идет на смену религии» [22, с. 6].

Таким образом, советскими антирелигиозными пропагандистами не признаётся какой-либо компромисс с религией. Более того, подобные действия церковников подвергаются насмешкам, и обоснованно трактуются как попытка приспособиться к новым реалиям. Более уважительно пропагандисты безбожники относились к настоящим ренегатам, которые не только отреклись от священнического сана и православного вероучения, но и сами начали заниматься антирелигиозной пропагандой.

Так, в рубрике газеты «Безбожник» под общим заголовком «Бегут» была помещена статья под названием: «Довольно обманывать самого себя и других» [2, с. 6], в которой утверждалось, что священник села Скотоватая Адам Липкевич произнёс проповедь на тему «Религия – обман народа» и написал в Райсполком письмо, в котором он заявлял, что не является больше священником, желает заниматься антирелигиозной пропагандой и трудиться на благо Советской республики и трудового народа. «С церковью и религией я прерываю всякую связь и отказываюсь от религиозных воззрений. Крест с серебряной цепью жертвую в пользу воздушного флота СССР. Бывший священник Адам Липкевич» [2, с. 6]. Почему священник отдал предпочтение именно «воздушному флоту СССР» в статье не поясняется.

В качестве другого примера, можно привести напечатанное на страницах «Брянского рабочего» письмо священника Шапова, в котором он резко обличает церковников в жадности, взяточничестве, пьянстве, разврате и иных пороках.

Каждому из них он даёт такой совет: «Уходи! Благо теперь можно свободно и спокойно уйти из церковного звания без всяких последствий. Уходи, если не хочешь быть выметенным железной народной метлой» [18, с. 7].

Признавая, что на духовенстве лежат «вековые позорные пятна», что церковнослужителей «облепила короста», священник Шапов рекомендует священникам, которых называет «попами, жрецами, и чиновниками в рясах помнить свою обречённость на духовную смерть» [18, с. 7].

Также, описывается попытка вступления православной монахини в комсомол. По словам автора статьи в Прилуцком уезде, монахиня просилась записать её в «комсомольскую коммуну» и заявила, что «порывает с паразитами» [11, с. 7], под которыми она подразумевала духовенство.

Судя по всему, довольно часто отрекшиеся от веры в Бога, выступали на антирелигиозных митингах в роли агитаторов. Так, в Полтавщине, в Золотоношском уезде, раскаявшийся и отрёкшийся от веры в Бога священник был одним из «застрельщиков» антирелигиозной пропаганды, выступая в диспутах, как обвинитель религии [9, с. 6].

Аналогичный случай имел место быть и в г. Луганске, где священник Жуков, сняв сан, активно выступал на антирелигиозных митингах с разоблачением религии и её служителей. По словам очевидцев, он с явным отвращением вспоминал на митингах свою прошлую деятельность «в чёрном стане затемнителей» [16, с. 4], а местное «духовенство всячески чернило Жукова, но безуспешно» [16, с. 4].

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Священники-рenegаты были достаточно распространённым явлением в новом Советском государстве, и их образ активно использовался в антирелигиозной пропаганде.

2. Советские безбожники в своей антирелигиозной деятельности придерживались непримиримой позиции по отношению к религии, компромиссы и попытки церковников приспособиться к советской действительности и встроиться в новую социалистическую реальность считались неприемлемыми и использовались лишь для высмеивания Православной церкви.

3. Советской антирелигиозной пропагандой был создан в целом негативный образ священника-рenegата. В любом случае он выставлялся либо в качестве тёмного, непросвещённого субъекта, который благодаря советской власти получил необходимые знания и отрёкся от Бога, либо в качестве сознательного паразита и эксплуататора невежества народа в корыстных целях, который в силу изменения социально-политического строя не имеет больше возможности существовать за счёт дальнейшей эксплуатации религиозного сознания масс и вынужден отказаться от старого образа жизни и деятельности. В обоих случаях создаваемый пропагандой образ вызывает негативное восприятие.

Таким образом, признавая безусловный факт, что «кровь мучеников явилась семенем христианства», как справедливо заметил раннехристианский писатель и учитель Тертуллиан, священников, публично отрёкшихся от сана в годы воинствующего безбожия, стоит считать плесенью христианской веры, которая сыграла свою роль в деле разрушения Православной церкви и существенно повлияла на рост атеистических настроений в СССР.

Список литературы

1. Бегут // Безбожник. – 1923. – 22 июля (№ 31). – С. 1.
2. Бегут. Довольно обманывать самого себя и других // Безбожник. – 1923. – 12 августа (№ 34). – С. 6.
3. Вера поколеблена // Безбожник. – 1923. – 4 марта (№ 12). – С. 5.
4. Верую во единого бога отца... // Безбожник. – 1923. – 18 февраля (№ 10). – С. 6–7.
5. Ещё один отрзвившийся // Безбожник. – 1923. – 1 июля (№ 28). – С. 6.
6. Ещё один отрёкся // Безбожник. – 1923. – 11 февраля (№ 9). – С. 7.
7. Ещё одно признание // Безбожник. – 1923. – 1 июля (№ 28). – С. 6.
8. И дьячок сбежал // Безбожник. – 1923. – 12 августа (№ 34). – С. 6.
9. Исход // Безбожник. – 1923. – 18 марта (№ 14). – С. 6.
10. Колдунов, и попов песенка спета // Безбожник. – 1922. – 31 декабря (№ 2). – С. 2.
11. Монашки в комсомол просятся // Безбожник. – 1923. – 4 февраля (№ 8). – С. 7.
12. Не дал голодным // Безбожник. – 1923. – 4 февраля (№ 8). – С. 7.
13. От редакции // Безбожник. – 1922. – 31 декабря (№ 2). – С. 1.
14. От редакции // Безбожник. – 1923. – 6 мая (№ 20). – С. 7.
15. От редакции // Безбожник. – 1923. – 3 июня (№ 24). – С. 6.
16. От редакции // Безбожник. – 1923. – 8 июля (№ 29). – С. 4.
17. Приспосабливаются (от нашего ярославского корреспондента) // Безбожник. – 1923. – 26 августа (№ 36). – С. 5.

18. Распад церкви // Безбожник. – 1923. – 4 февраля (№ 8). – С. 6–7.
19. Распад церкви. Опомнился // Безбожник. – 1923. – 1 июля (№ 28). – С. 6.
20. Распад церкви. Покаялся // Безбожник. – 1923. – 21 января (№ 5–6). – С. 7.
21. Распад церкви. Попы бегут // Безбожник. – 1923. – 6 мая (№ 20). – С. 7.
22. Священник за закрытие церквей // Безбожник. – 1923. – 4 марта (№ 12). – С. 6.
23. У церковников. Священник о мощах // Безбожник. – 1923. – 11 февраля (№ 9). – С. 6.

References

1. Begut [They are running]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, July 22, no. 31, p. 1.
2. Begut. Dovolno obmanovatsebya samogo i drygih [They are running. Enough of deceiving yourself and others]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, August 12, no. 34, p. 6.
3. Vera pokoleblena [Faith is shaken]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, March 4, no. 12, p. 5.
4. Veruju vo edinogo boga ottsa... [I believe in one God, my father ...]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 18, no. 10, p. 6–7.
5. Eshche odin otrezvilsya [Another sober]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, July 1, no. 28, p. 6.
6. Eshche odin otreksya [Another one has denied]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 11, no. 9, p. 7.
7. Eshche odno priznanie [Another confession]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, July 1, no. 28, p. 6.
8. I dyakon sbezhel [And the sexton ran away]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, August 12, no. 34, p. 6.
9. Ishod [Exodus]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, March 18, no. 14, p. 6.
10. Koldynov i popov pesenka speta [Sorcerers and priests' tale is told]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1922, December 31, no. 2, p. 2.
11. Monashki v komsomol prosyatsya [Nuns are asking for the Komsomol]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 4, no. 8, p. 7.
12. Ne dal golodnym [He didn't give it to the hungry]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 4, no. 8, p. 7.
13. Ot redaktsii [Editorial note]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1922, December 31, no. 2, p. 1.
14. Ot redaktsii [Editorial note]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, May 6, no. 20, p. 7.
15. Ot redaktsii [Editorial note]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, June 3, no. 24, p. 6.
16. Ot redaktsii [Editorial note]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, July 8, no. 29, p. 4.
17. Prispoblivayutsya (ot nashego yaroslavskogo korrespondenta) [Adapting (from our Yaroslavl correspondent)]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, August 12, no. 36, p. 5.
18. Raspad tserkvi [The collapse of the church]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 4, no. 8, p. 6–7.
19. Raspad tserkvi [The collapse of the church]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, July 1, no. 28, p. 6.
20. Raspad tserkvi [The collapse of the church]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, January 21, no. 5–6, p. 7.
21. Raspad tserkvi. Popi begyt [The collapse of the church. Priests are running]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, May 6, no. 20, p. 7.
22. Svyashhennik za zakrytie tserkvey [Priest for closing churches]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, March 4, no. 12, p. 6.
23. U tserkovnikov. Svyashhennik o moshchah [At the churchmen. Priest about relics]. *Bezbozhnik* [Atheist], 1923, February 11, no. 9, p. 6.